Кропоткин о Войне

П. А. Кропоткинъ

о войнѣ.

Съ послѣсловіемъ Вл. Л. Бурцева.

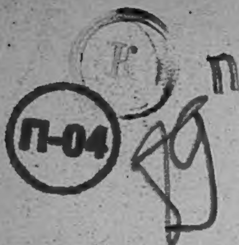
МОСКВА
1916.

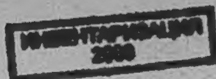
П. А. Кропоткинъ

о войнѣ.

Съ послѣсловіемъ Вл. Л. Бурцева.

МОСКВА.
1916.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., собств. домъ.
1916.

Письмо первое.

I.

Дорогой мой другъ!

Вы хотите знать мое мнѣніе о теперешнихъ событіяхъ. Вотъ оно,—коротко и ясно.

При данныхъ условіяхъ всякій, кто чувствуетъ въ себѣ силы что-нибудь дѣлать и кому дорого то, что было лучшаго въ европейской цивилизаціи, и то, за что боролся рабочій Интернаціоналъ, можетъ дѣлать только одно,—помогать Европѣ раздавить врага самыхъ дорогихъ намъ завѣтовъ: нѣмецкій милитаризмъ и нѣмецкій имперіализмъ.

Съ этимъ врагомъ боролись уже въ 1871 году, тотчасъ послѣ окончанія франко-прусской войны, Либкнехтъ и Бебель, когда протестовали противъ разбойнаго присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германской имперіи, завѣдомо *противъ* воли народа этихъ областей. Они видѣли въ этомъ грабежѣ залогъ новыхъ, неизбѣжныхъ войнъ, а съ ними—пріостановку цивилизаціи и прогресса.

Съ тѣмъ же врагомъ въ крайнемъ лагерѣ Интернаціонала боролся Бакунинъ, стараясь поднять освободительное возстаніе на югѣ Франціи, а когда это не удалось, онъ старался поднять общественное мнѣніе Европы своими проникновенными письмами, — Lettres à un français,—и тѣми статьями, которыя онъ называлъ своимъ завѣщаніемъ.

На защиту Франціи, тотчасъ послѣ паденія Наполеона III и провозглашенія республики, поднялся старикъ Гарибальди со своими волонтерами, и телеграмма—„La sainte chemise rouge à débarqué à Marseille“—разнесла по Европѣ вѣсть о высадкѣ Капрерскаго льва на защиту Франціи противъ германскаго нашествія.

Мало того. Не въ однѣхъ крайнихъ партіяхъ, но и среди буржуазіи всей Европы, все, что принадлежало въ передовой мысли, протестовало тогда противъ разгрома Франціи, отторженія отъ нея двухъ областей и неслыханной въ тѣ времена контрибуціи въ пять милліардовъ франковъ. Уже тогда лучшіе люди Европы поняли, что военное торжество Германіи и созданіе въ центрѣ Европы могучей Германской имперіи значили пріостановку на долгіе годы той цивилизаціи, носителемъ которой была Франція, и отреченіе самой Германіи отъ идеаловъ, вдохновлявшихъ до тѣхъ поръ ея лучшихъ представителей. Всѣ чувствовали, что торжество прусскаго воинствующаго юнкерства неизбѣжно приведетъ къ торжеству военщины и кулачнаго права во всей Европѣ,—къ общему пониженію культуры.

И въ настоящее время съ этимъ врагомъ до послѣдней минуты боролись мирнымъ оружіемъ всѣ противники милитаризма: одни,—протестуя противъ войны вообще, другіе — угрозой всеобщей стачки.

Но разъ сила стародавнихъ устоевъ военнаго государства взяла верхъ, разъ тотъ, который, посылая нѣмецкія войска въ Китай противъ боксеровъ, могъ самъ себя назвать Аттилой и приказывать своимъ солдатамъ быть столь же свирѣпыми, какъ полчища Аттилы („Times“ припомнилъ на-

дняхъ эту рѣчь), сталъ вождемъ и выразителемъ Германіи; разъ *эта* злая сила взяла верхъ и напустила своихъ озвѣрѣвшихъ солдатъ на Западную Европу, долгъ нашъ—дать отпоръ этой силѣ всѣми средствами нашей власти.

Нѣмецкіе дипломаты хорошо помнятъ завѣты Бисмарка: „Одновременно съ военной кампаніей вести дипломатическую кампанію“, т.-е. походъ лжи и обмана [1]). И теперь эти дипломаты воспользовались убійствомъ эрцгерцога Фердинанда, чтобы увѣрить ничего лучшаго не желавшихъ нѣмцевъ, что заступничество Россіи за Сербію—*причина* войны. Между тѣмъ, государственнымъ людямъ Западной Европы было хорошо извѣстно, что *уже 6-го іюля (19-го новаго стиля) германскимъ правительствомъ война рѣшена была безповоротно.*

Австрійскій ультиматумъ Сербіи былъ *послѣдствіемъ* этого рѣшенія, а не причиной.

Окончательное рѣшеніе было принято 6-го (19-го) іюля. Но сколько разъ война Германіи противъ

---

[1]) Бисмаркъ самъ разсказалъ, какъ онъ обработалъ депешу, полученную имъ отъ прусскаго короля Вильгельма, изъ Эмса, гдѣ онъ пилъ воды, и какъ онъ обнародовалъ ее въ такомъ видѣ, что выходило, будто Франція была виновницей войны 1870 года. Вильгельмъ телеграфировалъ Бисмарку, что онъ отвѣтилъ французскому посланнику во время гулянья на водахъ, что разъ онъ обѣщалъ отказаться отъ кандидатуры нѣмецкаго принца на испанскій престолъ, другихъ гарантій не требуется. Бисмаркъ, остававшійся въ Берлинѣ, пригласилъ къ себѣ обѣдать Мольтке, прочелъ ему депешу и спросилъ его, увѣренъ ли онъ въ побѣдѣ. Мольтке отвѣтилъ утвердительно, насколько предвидѣть возможно въ войнѣ. Тогда,—говоритъ Бисмаркъ, - я не фальсифицировалъ депеши короля: я только такъ „уварилъ ее“, что былъ увѣренъ, что завтра весь Парижъ потребуетъ войны—выходило оскорбленіе посланника). Такъ и случилось. Вышло, что въ войнѣ виновата была Франція, и вся Европа *и мы всѣ въ Петербургѣ повѣрили этому.* То же происходитъ теперь.

Франціи уже готова была разразиться со времени разгрома 1871 года! Германія все время жила въ готовности къ ней, а Франція все время ждала новаго вторженія, котораго не въ силахъ была бы остановить. Сквозь всю исторію Франціи за послѣднія сорокъ лѣтъ красной нитью проходитъ сознаніе этой опасности. Три раза,—сперва при Александрѣ II, а потомъ при Александрѣ III,— Россія должна была вмѣшаться, чтобы предотвратить, иначе неизбѣжный, разгромъ Франціи. За послѣдніе же три года общеевропейская война уже дважды готова была разразиться. Въ іюлѣ 1911 г. она была такъ близка, что здѣсь, въ Англіи, уголь для военныхъ судовъ спѣшно отправляли изъ Уэльса въ Ньюкастль *по желѣзной дорогѣ!* Везти морскимъ путемъ было бы слишкомъ медленно и, можетъ-быть, уже ненадежно.

Прошлымъ лѣтомъ Австрія держала подъ ружьемъ милліонъ мобилизованныхъ солдатъ близъ своей восточной границы, а германская кавалерія уже въ февралѣ, когда снѣгъ еще лежалъ въ Россіи, стояла на западной границѣ Царства Польскаго, вполнѣ готовая къ наступленію. Я это знаю отъ очевидцевъ.

Если европейская война тогда уже не разразилась, то только потому, что расширеніе и укрѣпленіе Кильскаго канала, гдѣ долженъ былъ укрыться нѣмецкій флотъ, (раньше въ него не могли войти дрэдноты), еще не было закончено. А также не были еще готовы громадный укрѣпленный лагерь въ озерной полосѣ Восточной Пруссіи и новыя укрѣпленія крѣпостей въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ. Работы въ Кильскомъ каналѣ были спѣшно завершены нынѣшнимъ лѣтомъ 20-го іюня,—и двѣ недѣли спустя война была рѣшена.

Впрочемъ, уже прошлой зимой много разныхъ признаковъ указывало на близость войны, и въ февралѣ въ Бордигерѣ я доказывалъ моему другу редактору „Temps Nouveaux", какъ неправы были французы, протестовавшіе противъ закона о трехлѣтней службѣ. Другого средства, въ виду увеличенія Германіей ея готовыхъ къ бою войскъ на цѣлыя двѣсти тысячъ, не было. Если бы Франція объявила мобилизацію, хотя бы частную, *она* оказалась бы виновницей войны. Война начнется, — говорилъ я,—какъ только жатва поспѣетъ въ Россіи и во Франціи: нѣмцы знаютъ, что иначе имъ нечѣмъ было бы кормить свои арміи, особенно свою быстро наступающую кавалерію. Помните, что война 1870 года началась 15-го іюля. Русскимъ друзьямъ я совѣтовалъ заранѣе выбраться изъ-за границы.

Все это было такъ ясно, такъ очевидно, что только люди, мало интересующіеся западно-европейскими дѣлами да нежелающіе вообще думать о „страшныхъ" вопросахъ, могли этого не видѣть. Что не мѣшаетъ теперь цѣлой кучѣ людей, начитавшихся нѣмецкой прессы и телеграммъ, разсылаемыхъ оплачиваемыми Германіей телеграфными агентствами, воображать, что *причина* войны—заступничество Россіи за Сербію, хотя Германія что-то еще не думаетъ объ Австріи, а пока-что завоевываетъ и „присоединяетъ" Бельгію [1]).

---

[1]) Англійскій парламентъ только-что издалъ «Синюю книгу» (ея оффиціальный нумеръ: Cd 7595) о тайной «оффиціальной германской организаціи съ цѣлью вліять на прессу другихъ странъ». Организація была составлена 27-го февраля подъ предлогомъ «увеличенія престижа германской промышленности за границей», и на нее было ассигновано 500.000 марокъ частными компаніями и 250.000 марокъ правительствомъ. Завѣты Бисмарка насчетъ купленной прессы не забыты въ Германіи.

Впрочемъ кто же изъ государственныхъ дѣятелей Бельгіи не зналъ, что Бельгію давно рѣшено завоевать при первомъ удобномъ случаѣ, а Голландію—заставить примкнуть къ Германской имперіи, такъ какъ въ ея рукахъ находятся проливы, ведущіе въ Тихій океанъ изъ Индійскаго океана; Францію же давнымъ-давно рѣшено низвести на степень третьестепенной державы... Къ этимъ цѣлямъ направлена была вся жизнь Германской имперіи. Этими завоеваніями бредятъ въ Германіи милліоны какъ буржуа, такъ и рабочихъ.

II.

Не Сербія—причина войны, не страхъ Германіи передъ Россіей, а то, что, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства, тотъ классъ, который заправляетъ политической жизнью Германіи, былъ опьяненъ своимъ торжествомъ надъ Франціей и своей быстро развивавшейся военной силой на сушѣ и на моряхъ. Этотъ классъ считаетъ прямо-таки оскорбительнымъ для Германіи, что ея сосѣди мѣшаютъ ей завладѣть богатыми (готовыми, заселенными уже) колоніями на Средиземномъ морѣ (Марокко, Алжиръ, Египетъ), а также Малой Азіей и частью Китая, опережаютъ ее въ планахъ захвата будущей Адріатики Индійскаго океана, т.-е. Персидскаго залива, и вообще мѣшаютъ ей установить свою гогемонію въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.

Быстрое закрытіе германской обрабатывающей промышленности за послѣднія сорокъ лѣтъ, *безъ одновременнаго развитія достатка среди крестьянства, которое могло бы быть рынкомъ для сбыта мануфак-*

турныхъ издѣлій (какъ въ Соединенынхъ Шаттахъ), сдѣлало то, что громадная масса нѣмецкаго пролетаріата заражалась тѣми же завоевательными планами и теперь тоже мечтаетъ о быстромъ развитіи могучаго, завоевательнаго капитализма. Вслѣдствіе чего въ результатѣ получается настоящее поклоненіе передъ идеей объединеннаго военнаго государста, обожаніе арміи и поразительное единодушіе въ завоевательныхъ мечтаніяхъ.

Что въ этой характеристикѣ нѣтъ преувеличенія, доказали событія послѣднихъ дней.

„Оставайтесь нейтральными, — писалъ Вильгельмъ англійскому правительству. — Я оставлю нетронутой территорію Франціи въ Европѣ, только отберу ея колоніи (Марокко, Алжиръ, Тунисъ, Тонкинъ)".

„Не оставайтесь нейтральными, присоединитесь ко мнѣ,—писалъ онъ въ Италію.—Вы получите за это Савойю, Ниццу, Тунисъ".

„Не вмѣшивайтесь, дайте мнѣ раздѣлаться съ Англіей, Бельгіей и Франціей",—писалъ онъ въ Россію и обѣщалъ не трогать Россіи,—„покудова".

„Охота вамъ придавать такое значеніе *клочку бумаги*,—т.-е. договору европейскихъ государствъ, которымъ обезпечивалась независимость и нейтральность Бельгіи",—писалъ германскій канцлеръ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, нагло заявляя, такимъ образомъ, что *для Германіи никакіе международные договоры не существуютъ.*

Намъ, вѣрно, скажутъ, что Наполеонъ I тоже считалъ себя въ правѣ попирать всѣ международные договоры. Правда, но по крайней мѣрѣ вплоть до войны 1812 года арміи Французской республики, а затѣмъ даже и имперіи, разносили

по Европѣ уничтоженіе крѣпостного права и равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Въ этомъ была ихъ сила. Что же несутъ теперь нѣмецкія арміи въ сожигаемые ими города и деревни? Ничего, кромѣ идеала военнаго государства! Никакой идеи права! Ничего, кромѣ торжества озвѣрѣвшаго солдата! Ничего, кромѣ топтанія въ грязь той самой культуры, которая развивалась въ Германіи до 1870 года.

Свобода народностей? Идеалы мира? Прогрессъ? Ничего этого нѣтъ на знамени Германской имперіи. Оно обѣщаетъ *только* войну, оно—залогъ новыхъ войнъ. Покореніе вольныхъ націй. Централизованное военное государство, подчиненіе всей жизни народа военному идеалу, воплощеніемъ котораго служитъ онъ, Вильгельмъ, самъ себя именующій „бичемъ Божіимъ", Аттилой!

Постарайтесь въ самомъ дѣлѣ представить себѣ, что значило бы торжество Германіи въ теперешней войнѣ?

Покореніе Бельгіи,—всей или по крайней мѣрѣ большей ея части. Во всякомъ случаѣ водвореніе Германіи въ Антверпенѣ и, по всей вѣроятности, въ Калэ.

Насильственное пріобщеніе Голландіи къ Германской имперіи.

Угроза присоединенія Швейцаріи, которую болѣе не въ силахъ будутъ защищать Франція и Англія [1]).

---

[1]) Если бы Швейцарія быстрой мобилизаціей 600-тысячнаго войска не подкрѣпила своего отказа пропустить германскія войска во Францію чрезъ Базельскій кантонъ, ея независимости былъ бы положенъ конецъ.

Присоединеніе къ Германіи части Франціи (Шампани и сѣверныхъ береговъ), а, слѣдовательно, появленіе линіи нѣмецкихъ крѣпостей въ одномъ или двухъ дняхъ пути отъ Парижа и запрещеніе воздвигать противъ нихъ укрѣпленія; громадная, изнурительная контрибуція, идущая, главнымъ образомъ, на дальнѣйшее усиленіе германской арміи и флота (уже Бисмаркъ жалѣлъ, что не взялъ контрибуціи въ 15 милліардовъ вмѣсто пяти). Въ результатѣ—низведеніе Франціи на роль третьестепеннаго государства, не смѣющаго сдѣлать ни одного шага въ направленіи соціальнаго прогресса, въ виду угрозы вмѣшательства Германіи. *Всѣ эти годы въ этомъ положеніи была Бельгія.* Въ такое же положеніе попала бы Франція, и приблизительно въ такое же положеніе попала бы Англія.

Теперь, когда строятся громадные пароходы, способные принять каждый по нѣскольку тысячъ солдатъ, когда подводныя лодки, аэропланы и управляемые воздушные шары стали частью вооруженныхъ силъ, неуязвимости Англіи отъ вторженія нѣмцевъ уже не существуетъ. Уже теперь знающіе люди предвидятъ здѣсь полную возможность вторженія. Когда же прусская каска будетъ владычествовать на южномъ берегу Па-де-Калэ, вторженіе въ Англію станетъ просто вопросомъ удобной минуты. Весь строй жизни и дальнѣйшее развитіе страны должны будутъ складываться въ виду этой возможности, какъ они уже складывались во Франціи.

О послѣдствіяхъ торжества Германіи для насъ, въ Россіи, даже думать не хочется,—такъ они были бы ужасны. Что станется съ внутреннимъ развитіемъ Россіи, когда на Нѣманѣ, въ Ригѣ, а можетъ-быть, и въ Ревелѣ, воздвигнутся нѣмецкія

крѣпости, какъ Мецъ,—не для защиты отвоеванной территоріи, а для нападенія? Крѣпости, откуда въ первый же день объявленія войны смогутъ выступить двѣсти тысячъ войска, со всей своей артиллеріей, готовые итти на Петроградъ?

Вообще, торжество Германіи въ этой войнѣ значило бы порабощеніе всей европейской культуры задачамъ военнаго преобладанія. Ея торжество въ 1870 году уже дало намъ сорокъ лѣтъ такого порабощенія и остановки общаго развитія. Теперь ея торжество надъ Франціей, Бельгіей, Англіей и Россіей дало бы полстолѣтія, если не болѣе, такой же остановки развитія, распространенной на всю Западную Европу и на весь славянскій міръ.

Я не говорю уже о томъ, въ какихъ возмутительно-дикихъ формахъ выражается въ теперешней войнѣ торжествующій германизмъ. Говоря только о томъ, что засвидѣтельствовано непреложными свидѣтельскими показаніями, нѣмецкія регулярныя войска превзошли все, что мы слыхали до сихъ поръ. И при этомъ,—замѣтьте,—послѣдній нѣмецкій солдатъ и цабернскій лейтенантъ, совершая звѣрства надъ бельгійцами,—стариками, женщинами, дѣтьми,—считаетъ ихъ именно бунтовщиками. Не народомъ, воюющимъ за свою свободу, а беззаконными бунтовщиками.

Что всего ужаснѣе, это—то, что насиліе, совершаемое германцами надъ Бельгіей, возбуждающее омерзѣніе во всемъ образованномъ мірѣ, находитъ оправданіе даже въ средѣ крайней партіи, — соціалъ-демократической. Надѣюсь, не у всѣхъ. Но вы, конечно, читали о кампаніи, предпринятой нѣмецкимъ депутатомъ Зудекумомъ въ швед-

ской газетѣ „Socialdemokraten“ и лично въ Италіи, и видѣли отвѣты данные ему въ этихъ странахъ.

Тѣмъ временемъ *внѣ Германіи*, пролетаріатъ всей Европы понимаетъ, какое клеймо теперешняя война налагаетъ на германскій народъ, и желаетъ, ждетъ, полнаго пораженія Германіи и прекращенія внесенной ею въ нашу жизнь военщины.

Многое еще хотѣлъ бы сказать. Но на сегодня довольно. Всѣмъ, кто не закрываетъ глаза на совершающееся вокругъ насъ, достаточно ясно, почему всякій, кому дорого прогрессивное развитіе человѣчества и у кого мышленіе не отуманивается личными привязанностями, привычкой и софизмами казеннаго якобы патріотизма, не можетъ колебаться. Нельзя не желать полнаго пораженія зарвавшейся военной Германіи. Нельзя даже оставаться нейтральнымъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ нейтральность была бы потворствомъ желѣзному кулаку.

Это понимаетъ громадное большинство, и отовсюду слышатся такія рѣчи: *Союзники побѣдятъ*, и эта война будетъ послѣдней европейской войной. Права всѣхъ національностей на свободное развитіе будутъ признаны; федеративное начало найдетъ широкое приложеніе при передѣлѣ карты Европы. Безобразіе войны и неспособность вооруженнаго мира предотвратить ее—такъ бьютъ въ глаза, что наступаетъ періодъ всеобщаго разоруженія. А единеніе внутри передовыхъ націй, къ которому уже ведетъ теперь необычайное напряженіе всѣхъ силъ, съ тѣхъ поръ, какъ надвинулась общая опасность, неизбѣжно оставитъ слѣды во всѣхъ народахъ. Оно ужъ кладетъ зачатки но-

вой, болѣе объединенной жизни всѣхъ слоевъ, изъ которыхъ теперь слагаются націи.

Таковы мысли, нарождающіяся въ Западной Европѣ. Онѣ вѣрны и онѣ должны восторжествовать.

Брайтонъ, 23-го августа (5 сент.).

Письмо второе.

I.

Дорогой мой другъ!

Конечно, вамъ, должно быть, очень больно переживать противорѣчія, которыя осаждаютъ васъ. „Меня одна мысль, главнымъ образомъ, мучаетъ,— пишете вы. Неужели война, въ особенности въ такихъ размѣрахъ, какъ теперешняя, можетъ являться войной *освободительной*... Если мы раньше знали, что война съ Германіей будетъ освободительной войной, тогда къ чему намъ былъ весь антимилитаризмъ, всѣ фразы о всеобщей стачкѣ и т. п. Вообще рядъ вопросовъ, которые теперь не даютъ жить“.

Я понимаю, какъ должны мучить подобные вопросы. Но не оттого ли они возникли, что во всей работѣ антимилитаристовъ, противниковъ войны, лежитъ коренная ошибка. Они думали, что своей пропагандой противъ войны они могутъ *помѣшать войнѣ*, несмотря на то, что теперь существуютъ еще во всей силѣ тѣ причины, которыми обусловливается *неизбѣжность* войнъ.

Они писали, что причина всѣхъ современныхъ войнъ — европейскій капитализмъ со всѣми его извѣстными послѣдствіями. А съ другой стороны, они вѣрили, что „достаточно объявить всеобщую стачку“ во всѣхъ странахъ готовыхъ броситься въ войну (только!), и война станетъ невозможною.

Какимъ-то чудомъ вся громадная сила капитала и подвластныхъ ему орудій исчезала, рушилась, парализовалась. И исчезала она не только во Франціи, но и въ той другой странѣ,—въ Германіи, — которая въ завоеваніи части Франціи, въ обезсилѣніи ея и въ пріобрѣтеніи ея колоній видѣла „необходимый шагъ", чтобы дать развиться во-всю своему, германскому капитализму.

Выходила, такимъ образомъ, явная несообразность. И я теперь спрашиваю себя. Вполнѣ ли сознавало большинство антимилитаристовъ неразрывную связь между войною и разрастаніемъ европейскаго капитализма. Не придавали ли они все-таки слишкомъ большое значеніе въ войнахъ злой волѣ отдѣльныхъ личностей?

Вотъ почему за послѣднія десять—двѣнадцать лѣтъ, когда *неизбѣжность* нападенія Германской имперіи на Францію стала ярко обозначаться, я старался убѣдить французскихъ товарищей, что пропаганда противъ войны — одно, а положеніе, которое имъ придется занять въ моментъ объявленія войны Германіей,—совершенно другое.

Живя въ обществѣ, скажемъ, двадцати человѣкъ и видя, что одинъ изъ насъ, посильнѣе, норовитъ угнетать другого, я могу, я долженъ употреблять всѣ мои усилія, чтобы вразумить всѣхъ насъ, а въ особенности сильнаго, стремящагося угнетать слабаго товарища. Если мои слова не подѣйствовали, если сильный началъ бить слабаго, развѣ я имѣю право стоять въ сторонѣ, сложа руки, на томъ основаніи, что кулакъ—не доказательство и что я раньше проповѣдывалъ вредъ драки и необходимость мира. Именно потому, что я противникъ угнетенія слабаго сильнымъ, я бросаюсь въ драку и помогаю слабому отбить силь-

наго, хотя прекрасно знаю по опыту, что ударъ кулака, предназначавшійся слабому, непремѣнно попадетъ въ мою голову.

Я понимаю, что можно не отвѣчать на личную обиду. Но стоять сложа руки, когда злой и сильный бьетъ слабаго, — непростительная подлость. *Именно ею держится всякое насиліе.*

Проповѣдь противъ войны, конечно, приближаетъ время, когда люди поймутъ, что истинною причиной войны всегда бываетъ желаніе одной стороны воспользоваться трудомъ другой страны и накопленными ею богатствами. Она поможетъ также убѣдиться, что даже „успѣшная война" приноситъ, въ концѣ-концовъ, больше вреда, чѣмъ пользы, самимъ побѣдителямъ.

Но при нынѣ существующихъ условіяхъ такая пропаганда не можетъ помѣшать войнѣ, покуда есть страны, которыхъ населеніе готово помогать желающимъ наживаться чужимъ трудомъ, *сплошь да рядомъ предполагая въ этомъ и свою выгоду.*

Угроза всеобщей стачки можетъ сдерживать до поры до времени завоевательные порывы. Но бросьте думать,—говорилъ я,—что всеобщая стачка можетъ состояться въ моментъ объявленія войны, если одна изъ сторонъ рѣшила открыть военныя дѣйствія. Каждый въ той странѣ, которой грозитъ вторженіе, будетъ чувствовать въ такую минуту, что одинъ день промедленія въ мобилизаціи представитъ подарокъ завоевателю цѣлой области и увеличитъ число жертвъ войны на лишнюю сотню тысячъ человѣкъ.

На это мои французскіе товарищи возражали: „Для того-то мы и ведемъ антивоенную пропаганду, чтобы открыть глаза нѣмцамъ, чтобы *они*

отказались помогать своимъ капиталистамъ въ грабежѣ Франціи. Помни, что у нѣмцевъ есть уже три съ половиною милліона соціалистовъ,—наивно прибавляли мои друзья—и эта масса соціалистовъ вмѣстѣ съ нами воспротивится войнѣ“.

Когда же я доказывалъ, что этого не будетъ и быть не можетъ, мнѣ смѣло отвѣчали:—„Если даже и такъ, то кто-нибудь долженъ же взять на себя починъ. Мы начинаемъ,—будь, что будетъ!“

На это оставалось только сказать: „Пусть такъ. Но съ тѣмъ, что, когда Германія начнетъ съ дикой энергіей,—съ согласія своихъ соціалистовъ,—собирать свои полчища, вы съ еще большей энергіей и *съ тѣмъ болѣе полнымъ сознаніемъ правоты своего дѣла, что вы старались помѣшать войнѣ*, будете помогать мобилизаціи и будете драться противъ завоевателей. Только бросьте вы говорить такой вздоръ, что рабочему-французу все равно, кто бы ни владѣлъ имъ: французскій капиталистъ и французскій префектъ или нѣмецкій генералъ и нѣмецкій фабрикантъ. Вы, во Франціи, не видали и, мало путешествуя, не знаете, что значитъ жить подъ владычествомъ другой націи“.

Впрочемъ на этотъ счетъ за послѣдній мѣсяцъ нѣмцы сами постарались открыть глаза мечтателямъ [1]).

---

[1]) Одинъ изъ такихъ мечтателей, французскій депутатъ-соціалистъ Комперъ-Морель, побывавъ въ Санлисѣ (Senlis) и убѣдившись на мѣстахъ, съ какимъ злорадствомъ нѣмецкіе солдаты подвергали пыткамъ французовъ, раньше чѣмъ ихъ добить, съ грустью признается въ своихъ заблужденіяхъ. Онъ указываетъ, что изъ четырехъ милліоновъ избирателей-соціалистовъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ одинъ милліонъ долженъ находиться въ нѣмецкихъ войскахъ, наводнявшихъ Бельгію и Францію.

Большая часть французскихъ антимилитаристовъ именно то и сдѣлали, что слѣдовало предвидѣть. Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны одинъ изъ близкихъ моихъ товарищей, одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ антимилитаристовъ, писалъ мнѣ изъ Парижа: „Ты былъ правъ: надо защищаться. Только сопротивленіе и нападеніе сломятъ нѣмецкую военщину“. Другіе пишутъ: „Состою въ такомъ-то полку“: санитаромъ—кто постарше, рядовымъ — кто помоложе; и дерутся антимилитаристы, навѣрное, съ такимъ же твердымъ намѣреніемъ выгнать изъ Франціи разъ навсегда численно превосходныхъ, засѣвшихъ въ окопы нѣмцевъ, какъ и всѣ остальные.

Такъ же поступили и бельгійцы. До послѣдней минуты они стояли за миръ. А когда надвинулась орда завоевателей, они стали геройски защищать дорогіе имъ родные поля и города.

Теперь вы, конечно, знаете, что двинуло нѣмцевъ на завоеваніе Бельгіи и Франціи. Вы знаете, какъ безъ всякаго повода, или даже подобія повода, они вторглись въ Бельгію, чтобы легче имъ было раздавить ненавистную имъ Францію; вы знаете, *какъ* они завоевываютъ, знаете, какъ они мстятъ, когда имъ приходится отступать изъ городовъ и селъ, которые они уже считали своими. Вы знаете, почему и какъ они ведутъ войну. Такъ скажите: желаете вы успѣха бельгійцамъ и французамъ? Желаете вы изгнанія озвѣрѣлыхъ завоевателей изъ Бельгіи и Франціи?

Если да, то о чемъ же еще разговаривать.

II.

Я знаю, что далеко не всѣ раздѣляютъ такой взглядъ. Въ Италіи есть много рабочихъ, особенно анархистовъ, синдикалистовъ и отчасти соціалъ-демократовъ, которые безусловно противъ того, чтобы Италія приняла какое бы то ни было участіе въ войнѣ. Всѣ они выражаютъ сочувствіе Бельгіи и Франціи и ненависть къ завоевательному германизму; но вмѣстѣ съ тѣмъ они стоятъ за полное невмѣшательство,—не только правительства, но даже отдѣльныхъ отрядовъ добровольцевъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, теперешнимъ состояніемъ Италіи послѣ триполійской войны. Рабочіе, очевидно, боятся, что если начнется агитація для посылки во Францію добровольческихъ отрядовъ (какъ это совѣтовалъ на недавнемъ совѣщаніи синдикалистовъ де-Амбрисъ), это дастъ поводъ правительству вмѣшаться въ войну. А въ данную минуту, — думаютъ они, — вмѣшательство было бы гибельно для Италіи. Дѣйствительно, поживши въ Италіи, вполнѣ понимаешь, какъ должны итальянцы, любящіе свою родину, опасаться войны. При теперешней дезорганизаціи арміи послѣ триполійской войны, при полномъ истощеніи военныхъ запасовъ, — начинать новую войну они считаютъ невозможнымъ.

Такимъ образомъ, положеніе, принятое итальянцами, вполнѣ понятно. Можно сказать только одно: что его послѣдствія могутъ быть очень невыгодны для Италіи. Своимъ отказомъ стать на сторону тройственнаго союза Италія нажила непримиримаго врага въ Германіи, которая, если она не по-

терпитъ полнаго пораженія, непремѣнно воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выполнить *давно подготовляемое ею вторженіе въ сѣверную Италію.*

Что же касается до тѣхъ глубоко убѣжденныхъ антимилитаристовъ во Франціи и Швейцаріи, которые во имя своего отрицанія войны не желаютъ поощрять ни той, ни другой воюющей стороны и среди которыхъ я имѣю близкихъ друзей, то они впадаютъ, на мой взглядъ, въ серьезную ошибку. Ихъ сочувствіе—на сторонѣ французскаго и бельгійскаго народа. Самый фактъ завоеванія и обиранія одного народа другимъ имъ ненавистенъ. „Но война—зло",—говорятъ они,—а потому они не хотятъ ея ни за, ни противъ Германіи.

Но они упускаютъ изъ вида одно. *Теперешняя война творитъ новую исторію.* Она всѣмъ народамъ ставитъ новыя условія общественнаго строительства. И когда начнется эта перестройка, новая жизнь пройдетъ мимо тѣхъ, кто отказался быть людьми дѣйствія въ минуты, когда судьбы нашего вѣка рѣшались на поляхъ битвъ.

Да, война, дѣйствительно, поставила мучительные вопросы. Но нельзя ли на нее взглянуть попроще?

Почему-то повсюду на нее возлагаются большія надежды. Отовсюду слышится мнѣніе, что эта война положитъ конецъ развитію могучаго военнаго государства въ центрѣ Европы, служащаго угрозой своимъ сосѣдямъ. Почему-то люди вѣрятъ, что она положитъ начало временамъ мирнаго развитія въ лучшемъ направленіи; ужасы войны выступили за эти два мѣсяца въ такой потрясающей наготѣ; наконецъ, вызванное ею объединеніе всѣхъ слоевъ

общества въ одномъ общемъ дѣлѣ не пройдетъ безслѣдно, а заложитъ зачатки болѣе объединенной жизни...

Конецъ гегемоніи Германіи, распаденіе Австрійской имперіи и заря новой жизни для славянскихъ народностей, объединенная Польша, снова вносящая *свои* народныя начала въ сокровищницу знаній и творчества Европы, какъ она вносила ихъ раньше,—чего только не ждутъ отъ этой войны.

Конечно, можно только радоваться, что войнѣ придаютъ такія цѣли. Сколько бы изъ этихъ цѣлей ни осуществилось, во всякомъ случаѣ *начало ихъ осуществленія будетъ положено*.

Но нужно ли все это, чтобы опредѣлить наше отношеніе къ войнѣ. Не достаточно ли ясно уже опредѣлились ея ближайшія задачи.

Когда старый, раненый Гарибальди созвалъ въ 1870 году своихъ старыхъ и молодыхъ товарищей и пошелъ съ ними сражаться противъ нѣмцевъ за Французскую республику, онъ не задавался міровыми задачами. Онъ не переоцѣнивалъ значенія войны вообще. Онъ видѣлъ во Франціи „борьбу свободы съ самовластіемъ“ и счелъ своимъ долгомъ стать, какъ всегда стоялъ, на защиту первой противъ второго.

Понятно, онъ не вмѣшался бы въ войну 1866 года между Пруссіей и Австріей, потому что ни за той, ни за другой онъ не признавалъ права на подавляюще значеніе въ Германскомъ союзѣ. И не вмѣшался бы онъ въ войну двухъ государствъ за право завоеванія какой-нибудь чужой земли въ Африкѣ или Азіи. Но онъ вступился во франко-прусскую войну, потому что со времени паденія Наполеона III война не имѣла для Германіи иной

цѣли, кромѣ завоевательной, при чемъ право и прогрессъ были на сторонѣ Франціи.

Тоже самое приходится сказать себѣ теперь. Событія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ показали, насколько необходимо сокрушить злую силу, которая воюетъ во имя того, что германскимъ капиталистамъ „нужны“ чужія земли и колоніи; что для покоренія своей соперницы, Франціи, Германіи „нужно было“ провести свои милліонныя арміи черезъ нейтральную Бельгію, что ей „нужно“ сокрушить Англію, чтобы богатѣть. А потому Германія будто бы имѣетъ право и даже „священную миссію“ предавать огню и мечу поля, политыя потомъ и кровью бельгійскихъ и французскихъ крестьянъ, обращать въ развалины города и избивать мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разъ кто-нибудь изъ гражданъ вздумаетъ защищать свой домъ и свою семью отъ вторженія.

Для васъ и многихъ другихъ всего этого однако еще недостаточно. Вы сомнѣваетесь, вы хотите знать навѣрно, будетъ ли эта война *войною освободительной*. Но на этотъ вопросъ заранѣе отвѣтить невозможно. Все будетъ зависить отъ исхода войны со всѣми возможными, побочными ея осложненіями.

Одно только несомнѣнно. Если восторжествуетъ Германія, то война не только *не* будетъ освободительною: она принесетъ Европѣ новое и еще болѣе суровое порабощеніе.

Правители Германіи этого не скрываютъ. Они сами заявили, что начали войну съ цѣлями завоевательными: *надобно обезсилить Францію*, отобрать у нея колоніи, разбогатѣть на *ея счетъ, обезсилить Англію*, отобрать нѣкоторыя изъ ея колоній; *обез-*

силить Россію, „обезпечить себя отъ ея нападеній“, т.-е.—„округлить границы“ и настроить укрѣпленныхъ лагерей въ родѣ Меца въ областяхъ, отобранныхъ у Россіи,—поближе къ Петербургу и Москвѣ.

Что именно къ этому стремятся и владыки Германіи, и ихъ политическіе и военные писатели, и ихъ офицеры, и даже часть солдатъ,—въ этомъ нѣтъ нынѣ сомнѣнія. Они сами этого не скрываютъ. Они гордятся этимъ. И кто же не понимаетъ, какой источникъ новыхъ войнъ представилъ бы собою такой исходъ войны? Какимъ препятствіемъ онъ явился бы всякому прогрессивному внутреннему развитію въ Европѣ.

Но если это вѣрно, то помѣшать такому торжеству завоевателей, избавить Европу отъ висящей надъ нею угрозы,—не будетъ ли это уже такимъ великимъ дѣломъ, что война, достигшая такой цѣли, вполнѣ заслужила бы названія войны *освободительной.*

Замѣтьте, что въ теперешней войнѣ намѣчается еще одинъ вопросъ громадной важности: вопросъ небольшихъ народностей, стремящихся завоевать себѣ право на самобытное развитіе. Но этотъ вопросъ такъ важенъ, что лучше будетъ вернуться къ нему въ другомъ письмѣ.

Во всякомъ случаѣ уже теперь характеръ гигантской борьбы ведушейся въ Европѣ, достаточно выяснился. Пора прекратить разговоры о „носителяхъ высокой германской культуры“. Они достаточно выказали себя въ Бельгіи. Мы увидѣли, до чего могутъ дойти люди, даже не глупые и по природѣ не злые, если они выросли съ дѣтства въ обожаніи права военнаго захвата. И мы выну ждены опредѣленно сказать слѣдующее:

„Въ Европѣ безусловно невозможно будетъ дальнѣйшее развитіе идеаловъ и нравовъ свободы, равенства и братства, пока среди насъ будетъ семидесятимилліонное государство, гдѣ до машиннаго совершенства разработаны всѣ пріемы военнаго разбоя; гдѣ вся нація, включая ея лучшихъ людей и ея передовыя партіи, оправдываетъ эти пріемы и считаетъ ихъ своимъ правомъ, видя въ нихъ залогъ своего дальнѣйшаго развитія.

Необходимо, чтобы весь германскій народъ увидѣлъ на дѣлѣ въ какую бездну разоренія и нравственнаго паденія повергла его культура, цѣликомъ направленная къ завоевательнымъ цѣлямъ“.

П. Кропоткинъ.

Брайтонъ, 21-го сентября (4 октяб.) 1914 г.

Послѣсловіе.

Статьи П. А. Кропоткина о нынѣшней войнѣ, помѣщаемыя въ настоящей брошюрѣ, появились впервые въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (7 сент. и 6 октября 1914 г.) и здѣсь перепечатываются нами безъ всякихъ измѣненій. Онѣ, само собой разумѣется, не нуждаются ни въ какихъ введеніяхъ. Если же, тѣмъ не менѣе я все-таки рѣшаюсь въ настоящей брошюрѣ сказать отъ себя нѣсколько словъ, такъ это исключительно потому, что считаю нужнымъ напомнить читателямъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ въ свое время появились эти статьи.

О настоящей войнѣ П. А. Кропоткинъ писалъ много, и не только на русскомъ языкѣ. Широкая пресса въ Англіи, Франціи, Швеціи и въ другихъ странахъ своевременно познакомила своихъ читателей со взглядами П. А. Кропоткина на современную войну. Эти его статьи дали ему много новыхъ друзей и... враговъ. Да это иначе и не могло быть. П. А. Кропоткинъ слишкомъ горячо любитъ родину и все человѣчество, слишкомъ горячо ненавидитъ войну и ея виновниковъ, въ данномъ случаѣ всю систему Вильгельма и Круппа, чтобы у него могло не появиться новыхъ враговъ, разъ только онъ заговорилъ о войнѣ и безъ какихъ-либо недомолвокъ договорилъ свои мысли до конца. Мы не сомнѣваемся, что статьи П. А. Кропоткина о войнѣ, появившіяся въ самомъ началѣ текущихъ величайшихъ міровыхъ событій, будутъ отмѣчены

въ біографіи этого нашего соотечественника. Онъ одинъ изъ первыхъ среди русскихъ, жившихъ за границей, а можетъ быть мы имѣемъ право сказать—первый, кто громко, безъ какихъ-либо колебаній, выступилъ въ печати по поводу постигшаго весь міръ несчастія и сразу всталъ въ этомъ вопросѣ на такую точку, которая ясно говоритъ и объ его широкомъ и глубокомъ взглядѣ на войну, объ его политической дальнозоркости и объ его смѣлости, какъ гражданина... Да, стоять на точкѣ зрѣнія на войну, на которую всталъ П. А. Кропоткинъ, нужно было обладать смѣлостью гражданина...

Когда разразилась настоящая война, Кропоткинъ былъ изъ числа тѣхъ русскихъ, жившихъ за границей, кто страстно хотѣлъ немедленно ѣхать въ Россію, чтобы тамъ переживать грядущія событія. Но состояніе его здоровья, а еще въ большей степени политическія условія русской жизни, гдѣ тогдашними господами положенія были Н. Маклаковъ и И. Щегловитовъ, дѣлали совершенно невозможнымъ ему пріѣхать въ то время въ Россію и здѣсь, съ его выдающимся талантомъ европейскаго публициста и его беззавѣтной любовью къ родинѣ служить дѣлу войны такъ же, какъ это до того началъ въ своихъ статьяхъ изъ-за границы въ русской, англійской, французской, шведской прессѣ.

Не П. А. Кропоткинъ, конечно, виноватъ въ томъ, что въ такое исключительно тяжелое для родины время его не было тамъ. Въ этомъ случаѣ онъ раздѣлилъ одинаковую участь съ такими замѣчательными русскими дѣятелями, какъ Г. В. Плехановъ, и многіе русскіе добровольцы на западномъ фронтѣ.

П. А. Кропоткинъ, конечно, всегда былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и блестящихъ борцовъ за полное освобожденіе человѣчества и за общій миръ. Защитѣ этихъ идей онъ посвятилъ всю свою жизнь. Но онъ въ то же самое время всегда былъ и страстнымъ противникомъ всякаго насилія и считалъ необходимымъ на всякое насиліе отвѣчать насиліемъ. Всякая война для П. А. Кропоткина всегда являлась преступной, но когда она была кѣмъ-либо начата, то ее нужно было принять и на нее отвѣтить войной же и не останавливаться уже ни передъ чѣмъ, пока насильникъ не будетъ обезоруженъ.

Нынѣшняя война начата правительствомъ Вильгельма II и Круппа и она должна быть доведена до полнаго пораженія ея виновниковъ. Для П. А. Кропоткина война ведется, конечно, не противъ нѣмецкаго народа, а противъ нѣмецкаго правительства и всѣхъ, кто съ нимъ, какъ въ Германіи, такъ и внѣ ея.

Мы очень благодарны П. А. Кропоткину за то, что онъ согласился на нашу просьбу и далъ намъ разрѣшеніе на переизданіе его статей о войнѣ. Онѣ нужны и сейчасъ для всѣхъ, кто только болѣетъ душой по поводу того, что переживаетъ теперь весь міръ и въ частности наша родина, и кто ищетъ отвѣта на вопросъ, что дѣлать всѣмъ намъ въ данный ужасный моментъ.

Голосъ П. А. Кропоткина былъ въ свое время услышанъ широкой русской читающей публикой. Необходимо и въ настоящее время возможно чаще напоминать о немъ. Пусть онъ будитъ всѣхъ и говоритъ, какъ нужно относиться къ настоящей войнѣ.

Свои статьи П. А. Кропоткинъ имѣлъ въ виду продолжить, но тяжелая болѣзнь все еще ему мѣшаетъ это дѣлать. Еще недавно онъ писалъ намъ: „Все собирался писать продолженіе (перепечатываемыхъ нами статей, *В. Б.*), но—нѣтъ энергіи; все мучусь со своею раною. Заживетъ, и начнетъ болѣть и вскроется. До сихъ поръ, больше 200 шаговъ еще не могъ пройти, вывозятъ въ колясочкѣ, и нѣтъ-нѣтъ, приходится ложиться въ постель".

Въ томъ же письмѣ П. А. Кропоткинъ пишетъ: „Здѣсь (въ Англіи) настроеніе очень бодрое. Женщины-работницы—удивительные молодцы; за поясъ заткнули мужчинъ въ выдѣлкѣ нужныхъ запасовъ".

Нужно желать, чтобы голосъ такихъ людей, какъ П. А. Кропоткинъ, почаще раздавался въ Россіи. Мѣсто для Кропоткина, особенно въ роковые историческіе моменты, какіе переживаетъ въ настоящее время наша родина,—не за границей, не въ Брайтонѣ, а здѣсь, въ Россіи...

Объ этомъ *должны* заботиться и русское общество, и русское правительство. Этого требуютъ интересы страны.

Нужно ли говорить намъ, какъ Кропоткинъ относится до сихъ поръ къ все еще продолжающейся войнѣ?

Вл. Бурцевъ.

25/II 1916 г.

Цѣна 40 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книгоиздательство „ЗАДРУГА".
Москва, М. Никитская, д. 29. § Телеф. 4-50-61.

